Александр СЕВАСТЬЯНОВ

Мосты сожжены

Теперь война до победы

Сижу в окопчике, выставил перископ, смотрю. Референдумы в четырех областях Украины с незамедлительным их легальным вхождением в Россию – грандиозное историческое событие с большими последствиями.

Честно говоря, был поражен результатами, не ожидал такого единодушия, особенно от жителей Херсонской и Запорожской области. Думал, что там бандеровщина пустила более серьезные корни и одолеть ее будет труднее. Процент «паспортных» русских там заметно меньше, чем в Донецкой и Луганской областях, а воля к вхождению в Россию оказалась практически такая же. Что стоит за этой волей?

Прежде всего, я считаю, – неприятие укронацизма, насильственной украинизации. Достали их бандеровцы, проще говоря. Все-таки, независимо от этничности, население этих областей – люди русского языка и русской культуры, общей с русскими исторической памяти.

Далее. Жестокие обстрелы со стороны ВСУ по указанию Киева показали жителям истинное отношение к ним со стороны режима. Для которого они вовсе не дорогие и любимые сограждане, и вообще не «свои», а расходный материал, которого не жалко. Они своими глазами увидели разрывы украинских мин, бомб и ракет на своих улицах, увидели украинские пушки и танки во дворах школ и детских садов. Ну, вот и ответили адекватно на такое отношение.

Эти люди надеются на защиту от войны со стороны России, которая теперь просто не может их оставить в беде. Пусть война сразу не закончится, но они понимают, чем чревато для них возвращение Украины на эти земли, и понимают, что только победа российских войск может отвести от них смертельную угрозу, покончить со страхом и неуверенностью в завтрашнем дне. Они хотят, чтобы у них все было, как в Крыму. Не убежден, что под украинской властью все эти люди проголосовали бы так же, но факт, что в условиях войны они выбрали надежду и меньшее зло.

Огромен аванс доверия, выданный русским, России, лично Путину.

* * *

Результаты референдума многое меняют в раскладе обстоятельств. Что бы ни говорили западные, а тем более киевские политики, но теперь вопрос о легитимности присутствия российских войск на территории бывшей Украины выглядит совсем иначе, чем до референдума. Это понял даже Илон Маск, который подытожил: жители-де восточных областей Украины предпочитают Россию. Самое главное: этот убийственный вывод стал очевиден всему миру, в том числе Вашингтону, Киеву и всему народу Украины, ее армии, ее службе безопасности. Иллюзий больше нет.

Очень важно, что результаты референдума увидели жители Харькова, Днепропетровска, Николаева, Одессы. Для них это больше, чем пример, это путь в будущее. А если нам удастся повторить данный ход в соответствующих областях, пока еще украинских, и отрезать Киев от всех морей, это резко изменит ход войны.

Многое придется переоценить и критикам войны и Путина в самой России. Как-никак, население четырех бывших украинских областей де-юре теперь стало «своими», а «своих» – хочешь не хочешь – надо защищать, это закон жизни. Мы в ответе за тех, кого приручили, как говорится. На вопрос «За что воюем» стало легче отвечать.

Но самое, быть может, важное – ныне мосты сожжены, и дороги назад ни у России, ни лично у Путина нет. Ни при каких обстоятельствах мы не может теперь отдать эти земли с нашими людьми обратно. Я не представляю себе, что бы могло заставить нас это сделать, разве что Россия подпишет акт безоговорочной капитуляции и перейдет под внешнее управление, чего я, по правде говоря, не жду.

Это значит, что у нас нет больше иного пути, кроме как начинать, наконец, настоящую войну вместо СВО, войну всерьез, войну всеми силами – и до победного конца.

* * *

Чтобы победить в настоящей войне, надо правильно понимать, что это за война. Если говорить о противной стороне, об украинской армии, там такое понимание есть, четкое и недвусмысленное. Тридцать лет на Украине целенаправленно и неустанно взращивалась ненависть ко всему русскому и к России. Там проклинали извечных «агрессоров и оккупантов», «клятых москалей» и громогласно выкликали: «Москаляку – на гиляку!» (т.е. русских – на виселицу). Выкликали толпами на площадях или проходя многотысячными маршами по улицам больших городов при полной поддержке властей и спецслужб. Как минимум два поколения прошло через академию русофобии, созданную украинской диаспорой США и Канады, а также потомками галичан-бандеровцев, с 1940-х годов сеявших ядовитые семена русско-украинской розни по всей Украине, ну а теперь еще и новоявленными украинскими националистами.

Эти плоды их воспитания не пропали даром. Сегодня вся подконтрольная Киеву страна и все ее вооруженные силы убеждены, что они воюют за свою наконец-то обретенную государственность. И что это – русско-украинская война, в которой русские выступают как агрессоры и оккупанты. Они до колик станут смеяться над утверждением, что русские и украинцы – «единый народ» (Путин), и не примут этого никогда. Для них для всех эта война – отечественная.

Надо уметь посмотреть на ситуацию глазами врага, чтобы понять, что им движет, что он думает на этот счет. В чем слабые места их позиции.

У нашей армии подобной мотивации до недавнего времени не было (то есть, теоретически она была: война украинской идеи с русской идеей; но объяснять было долго). А теперь, после референдума, она есть. Для нас теперь это тоже отечественная война.

Но понимать только это одно – мало.

Главное, надо твердо знать: бандеровец русскому не брат, а смертельный и непримиримый враг, с которым возможно только одно решение – физическая ликвидация. С бандеровцами не может быть ни мира, ни перемирия, никаких «договорняков» вообще. Уничтожение, стирание с лица земли бандеровцев – это не побочная задача военных действий, которая выполняется между делом как бы сама собой. Нет, это одна из самых главных, принципиальных целей войны, не достигнув которой, нельзя решить русско-украинскую проблему.

Кто из современных украинцев и в какой мере переродился в бандеровца, придется после войны решать в каждом конкретном случае отдельно. Опыт есть – пример денацификации послевоенной Германии, с бесконечным анкетированием и перекрестными характеристиками каждого гражданина: кем он был и чем занимался при Гитлере.

Но на поле боя этим детальным обследованием заниматься нет возможности. Здесь царит один закон: если враг не сдается, его уничтожают. Единственное, что доступно фронтовой логике – это нанесение первоочередных и беспощадных ударов по нацбатам типа «Азова», «Кракена» и т.п., чье физическое уничтожение должно быть поставлено как первоочередная стратегическая задача. (С этой точки зрения недавнее отпущение на волю более сотни «азовцев» – непростительная политическая ошибка.)

Впрочем, как пишет один из лучших экспертов по теме, Ростислав Ищенко, вся военная верхушка Украины сегодня не только формально присягала режиму и клялась биться насмерть с Россией, но и глубоко пропиталась бандеровской идеологией. Поэтому огонь по штабам является такой же первоочередной задачей, как истребление нацбатов. Вся наша страна ждет этого огня по Минобороны, Генштабу Украины, по СБУ, по офису главнокомандующего Зеленского. Но его все нет и нет…

* * *

Результат референдумов сигнализирует всем нам: мы вправе ждать от Кремля изменения формата военных действий. Хватит морочить себе и людям голову. Кого мы обманываем? Это не СВО, это война: так понимают дело на Украине. Пора и нам понять.

Частичная мобилизация – это лишь частичное решение проблемы.

Я полностью разделяю мнение директора Института стран СНГ Константина Затулина о необходимости, как в годы Великой Отечественной войны, создания Государственного комитета обороны, который работал бы без устали денно и нощно. А также Ставки Верховного главнокомандования, чтобы сплотить «в единое аппаратное целое управление войной и тылом, пропагандой и гуманитарной помощью, устройством мирной жизни на освобождённых территориях и организацией необходимых поставок стране и людям» («Литературная газета» от 05.10.22). Я бы только добавил сюда создание управления пропаганды, идеологической и информационной войны. Во главе с Ольгой Скабеевой, которая, на мой взгляд, лучше всего соответствовала бы задаче.

Однако пока что Ставку Верховного главнокомандования создал при себе в Киеве украинский президент Зеленский, до которого такая необходимость, как видно, тоже дошла. А вот российский президент Путин почему-то ни ГКО, ни собственную ставку не создал. Пока что.

Между тем, развитие событий на Украине с 24 февраля показало: без реальной мобилизации всей страны, без тотальной войны с напряжением всех сил русско-украинскую войну не выиграть. Украина со своей стороны это понимает и воюет во всю силу, не шутя. Надо, чтобы и Россия поняла то же самое и так же сосредоточилась бы на желании победить.

Победа или смерть. Отступать нам некуда, мосты сожжены.

Александр АФАНАСЬЕВ

Путин – Россия – мир

Пути Господни неисповедимы

Весь мир помешался сегодня на слове «Путин». Именно на слове, превращенном в некий *символ*, шараду, ребус, неподдающиеся разгадке. Это слово сейчас склоняют везде и всюду: в политических кругах, в среде финансовых воротил и, соответственно, на биржах, в мировых средствах массовой информации, во всемирной паутине, парижских кафе и знаменитых мюнхенских пивных, на светских и уличных тусовках и даже в подземном транспорте, уткнувшись в экраны смартфонов.

При этом весь этот галдящий, суетящийся и взывающий к миру мир распался, словно под действием мощного магнита, на две полярно заряженные половины – обнадёживающего позитивизма и опасливого негативизма. В одних случаях мифическому Путину приписывается едва ли не предстательство Бога на земле, в других, напротив, – его уподобляют чуть ли не дьяволу.

Молятся на Путина исключительно простые люди, а нагнетают жуткие страхи в основном западные элиты, и грязнее всех ругают нашего лидера в США. Особенно в их «глубинном государстве», подстёгиваемом какой-то нечистой силой – злобной, непримиримой и беспощадной. Здесь президента России с некоторых пор превратили во всемирное, всечеловеческое пугало и исступлённо требуют его насильственной смерти и обязательно в корчах и муках, подобных тому, как корчились и мучились затравленные Штатами Саддам Хусейн (Ирак) и Муаммар Каддафи (Ливия).

Чем же заслужил такую участь неприметный питерский юноша, избравший в СССР стезю практического служения Родине и в 2000 году (в 47 лет) избранный Президентом Российской Федерации? Реальный Владимир Путин был, разумеется, честолюбив (в КГБ других не брали), но не до такой степени, чтобы с младых ногтей строить планы по восхождению на властный Олимп (таких быстро приземляли). Всё было, как у всех, с той лишь разницей, что ему хорошо давался немецкий язык и он, соответственно, специализировался по Германии.

К развалу Советского Союза Владимир Путин никоим образом не причастен. Он был слишком молод для этого (36 лет), крепко воспитан в советском духе и находился за рубежом. Российский лидер, думается, был вполне искренен, когда позже называл развал СССР «катастрофой». Но к 1990-м годам дух в КГБ, этом страже коммунистических идей и оплоте государственности, был уже далеко не тем, что был пятнадцатью годами ранее. Дух этот сильно забродил, и молодой Путин как человек *с абсолютным политическим «слухом»* не мог не быть в курсе новомодных либеральных веяний. В курсе и в готовности к действию на передовых рубежах новой, заманчивой, либеральной России.

По возвращении из Германии в 1990 году чекист Владимир Путин, осмотревшись, просчитанно «внедрился» в питерское правительство Анатолия Собчака. И сразу оказался не просто в гуще либерально-демократических сил, но в самом логове либерализма и в центре российских политических интриг. В его лице «академик» Анатолий Собчак приобрёл опытного практика-международника, имеющего надёжные связи в силовых структурах. Приобрёл и оценил, стремительно продвигая его по служебной лестнице с советника до первого заместителя председателя правительства Санкт-Петербурга (1994-1996).

В 1996 году звёздный полёт самого Анатолия Собчака неожиданно оборвался: он проиграл выборы главы «либеральной столицы» России. Но и на этот раз абсолютный политический «слух» не подвёл Владимира Путина. Отказавшись от участия в правительстве победившего Владимира Яковлева, он не только продемонстрировал верность прежнему «шефу», но вместе с другими «детьми» Собчака устремился на штурм первопрестольной. Москва нуждалась в проверенных бойцах за «новую Россию» и охотно приняла питерский десант. Каждому из них нашлось в ней своё место.

Начальную должность Владимира Путина в Кремле никак нельзя назвать перспективной. Управление делами Президента РФ только звучало высокопарно. На самом деле взявший в заместители Путина «управдел» Павел Бородин, по сути, исполнял обязанности «завхоза» Кремля. И вот с этого метрового трамплина подполковник КГБ за неполных четыре года (1996-1999) совершил прыжок в небеса: до главы российского правительства. При этом буквально проскочив через 4 серьёзные промежуточные должности и получив очередное звание полковника во время краткого руководства ФСБ. Фантастика!!! Такое даже сверхудачливому Наполеону не снилось.

Личные качества, конечно, сыграли свою роль, но только в том плане, что при своём стремительном продвижении Владимир Путин нигде не наломал дров. Это существенно, но, с другой стороны, можно счесть, что он просто *не успевал* это сделать. Связи тоже были важны, но, проталкивая Путина, все его «покровители», разумеется, исходили из своих *личных* интересов, меньше всего думая о последствиях. Можно, конечно, помянуть судьбу, карму, просто фарт, но и это в России в обычных условиях не катит.

Здесь мы должны акцентировать внимание на времени и характере происходивших перемен. *Время* тектонических сдвигов (российских в том числе) отличается тем, что оно ломает все закономерности: старые – за ненадобностью, а новые – в отсутствие наличности. Китайское проклятие: «чтобы тебе (вам) жить в эпоху перемен», – имеет в виду, что *перемены* – это жестокий удар по всего доброму, здравому, упорядоченному. В хаотическом мире начинает царить разгул случайностей, безумства и безнравственности. Наружу в социумах рвётся гниль, мертвечина, непотребство, копившиеся годами и взрывающиеся, подобно вулкану. В России эти катаклизмы случались в XX веке дважды: в 1917 и в 1991 годах.

Однако, как ни крути, извержение лавы – это тоже закономерность, но закономерность глубинная, непредсказуемая, не лишённая мистики. Если говорить без обиняков, то время крутых перемен – это есть тот самый (очень редкий!) момент, когда в человеческий мир инкогнито *является Бог* и диктует собственную волю. Именно Божья воля прячется за всей этой какофонией случайностей и скрытно решает накопившиеся «неразрешимые» проблемы, непосильные человеческой воле и недоступные разумению людей. Является и намечает суть и контуры новой закономерности.

В этом плане начало второго миллениума после рождества Христова ознаменовалось в мире двумя судьбоносными событиями: американским концом истории и российским её началом. Фукуямовский «конец истории» предполагал дьявольское отвержение (по Гегелю – *отрицание*) всего Божьего творения и утверждение догматов вечной, нерушимой, незыблемой американской цивилизации. С Божьего благословения путинское «начало» возвращения России к историческому традиционализму явилось русским протестным «отрицанием» надменного американского «отрицания». Только эти две альтернативы и были предложены миру в начале 2000-го года.

Что касается нашей страны, то до 2000-го года «выскочка» Владимир Путин и многовековая Россия, по сути, не были знакомы друг с другом. Путин жил в своём мире личных грёз и карьерных устремлений, а страна, преданная своими руководителями и обобранная до нитки разного рода проходимцами, опустилась на самое жизненное дно. Гонимый российский народ (русский в первую очередь) попрятался в камышах и зарылся в тину, подобно речному карасю, чтобы не попасться в зубы прожорливым щукам, кишащим вокруг. Связь власти и народа полностью оборвалась. Доверие друг к другу иссякло. Наступила катастрофа.

Став российским государем («президент» – это лишь его формальное наименование), питерец Владимир Путин начал с того, что повёл страну по пути петровских преобразований России в прозападном ключе. К этому Путина и Россию дружно толкали США, питерские коллеги, а также русско-российские интеллигенты, с дореволюционной поры мечтавшие жить по-западному: сытно и вольно, никому, не подчиняясь и ни за что не отвечая. «Петровский» период завершился в России к концу первой «пятилетки» правления Путина. Страна стала образцово либерально-буржуазной и, в духе времени, «демократической». Пришла пора заявить о её суверенитете. Что и было сделано в 2007 году на Мюнхенской конференции.

США, однако, всполошились и, для острастки, в 2008 году организовали грузинский «мятеж». И хотя он совершился в правление временщика-либерала Д.А. Медведева, российская коса нашла на американский камень. Ибо Россия не вняла угрозе и преподала США в Грузии *первый урок*. В ответ Штаты в 2014 году устроили государственный переворот на Украине. В свою очередь, Россия и Крымская автономия объявили обоюдное воссоединение. Подковёрная схватка России со Штатами всё ширилась и нарастала и 24 февраля 2022 года прорвалась наружу.

В этот день Россия объявила о начале проведения на Украине Специальной военной операции (СВО) с участием вооружённых сил РФ и сил самообороны Донецкой и Луганской народных республик, накануне признанных Россией. Задачу денацификации и демилитаризации *собственно Украины*, поставленную перед СВО, союзные силы РФ, ДНР и ЛНР решили в течение месяца, перемолов передовые нацистские батальоны и лишив СВУ технических средств не только нападения, но и обороны.

С марта 2022 года начался *второй этап* военных действий России на Украине. СВО уступила место «гибридной» войне России уже с НАТО. Милитаристы Запада под давлением США бросили на поддержку украинской «демократии» оружие, наёмников, финансы, СМИ, интернет. Это привело к фактическому упразднению украинской государственности и превращению Украины во фронтовое пространство, а украинского народа – в пушечное мясо Запада. Противоборство западной и российской технологий вылилось в позиционные военные действия, уравнявшие преимущества обеих сторон.

С сентября 2022 года вступил в силу *третий этап* российско-«украинского» вооружённого противостояния. Яростные «борцы» с международным терроризмом Штаты дали отмашку на проведение (параллельных с военными действиями) акций устрашения российского населения путём проведения «точечных» террористических операций. Самыми резонансными из них стали подрывы Крымского моста и газопроводов «Северный поток» и убийство Дарьи Дугиной. В ответ на объявленную 21 сентября 2022 года «частичную» мобилизацию в России США устроили на Западе ядерный психоз, грозя миру библейским Апокалипсисом.

Таково было до сегодняшнего дня развитие событий в рамках триады Путин – Россия – Мир. Владимир Путин за это время без аффектации, плавно развернулся с Запада на Восток, всё больше ценя самобытность и внутренний потенциал России. Русско-российский народ стал смелее и твёрже обозначать свою роль и значимость в системе социально-экономических отношений, не простив правящей элите России ни былого предательства, ни олигархического грабежа. Ведомый алчно-агрессивными Штатами мир стал рассыпаться под напором центробежных сил: Китай, Индия, Иран, Сирия, Турция, Венгрия, Саудовская Аравия, Сербия. Они ещё не стали союзниками России, но уже покинули орбиту американского принуждения.

Если копнуть глубже, то можно прийти к выводу, что 24 февраля 2022 года в мировой системе взаимных сдержек и противовесов, выстроенной США, произошёл взрыв, причём взрыв тоже системный. На фоне угрозы Третьей мировой войны, несущей в своём чреве смертоносную ядерную начинку, Владимир Путин положил первый камень в фундамент грядущей Всемирной революции. Причём не просто «положил», а запустил его из пращи в дядюшку Сэма, словно Давид – в Голиафа.

Судя по последним заявлениям смакующего мороженое Джо Байдена и «просветителя» Энтони Блинкена, США готовы сделать миру «предложение» в духе дона Корлеоне: либо безоговорочная покорность имперской воле Штатов, либо всеобщее уничтожение. Разумеется, это чистый шантаж, ибо земной мир вовсе не склонен капитулировать перед США на ультимативных условиях. Сопротивление неизбежно, и оно будет только нарастать. Этот протест против шантажиста-узурпатора и явится, на мой взгляд, главной движущей силой Всемирной социальной революции.

В итоге державшийся всё время в тени Владимир Путин волей Бога и управляемых Им обстоятельств вышел на первый план российской истории, сравнявшись по значимости с такими защитниками Отечества, как Александр Невский, Дмитрий Донской, Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский. Как и в их времена, Отечество снова в опасности и нуждается не только в мужестве, верности и подвижничестве своего лидера, но и в сплочённости, отзывчивости и победоносном духе русско-российского народа.

…Хотелось бы в заключение предостеречь от иллюзий. Считаю, что тема «священной войны» не менее актуальна и сейчас, спустя 81 год после начала Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. США, некогда пригревшие на своей груди недобитых фашистов, ныне сами превращаются в фашистское государство. Однако от смены адреса фашизм отнюдь не утратил своей «тёмной силы» и жажды порабощения человечества. Напротив!

Мобилизация, даже «частичная», вовсе не означает, что она касается только вооружённых сил РФ и военно-промышленного комплекса. Сегодня каждый российский гражданин должен спросить себя, всё ли он делает, что может, для фронта, для Родины, для Победы. Спросить и внести свою посильную лепту на алтарь Отечества.

Что же касается «пятой колонны» и продолжающих жировать олигархов, то, не впадая в крайность, Совету нужно принимать адресные и адекватные меры, вразумляющие первых и пробуждающие меру социальной ответственности вторых.

Всё очень серьёзно. Великая испанская женщина Долорес Ибаррури (1995-1989), прозванная Пассионарией, 85 лет назад произнесла великие слова: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях». Именно так! Возврата к «святым девяностым» нет и не будет. Не должно быть по определению.

Полная версия – на сайте denliteraturi.ru

Глыбистая проза Александра Леонидова

Метафизика и реальность современной интеллектуальной прозы

(Начало – стр. 1)

«Импозантный поручик Бунин, однофамилец, а может и родня известного писателя, подхватил Левончика с земли, усадил на луку седла горячего, игривого донского коня:

– Откуда ты, малыш? Где красные? Кого убивают?

– Скорее! Туда! Там красные убивают раненых! – словно попугай, повторял Левон до рубцов в мозгах заученные, окровавленные слова. И плакал, и чувствовал себя предателем. Ведь ему было всего пять лет, и он не мог показать дорогу. Его вёл сюда ангел-хранитель, а как выбраться обратно – он не знал…

– В госпитале, наверно, господа! – выкрикнул один из конников, взмыленная лошадь которого раз за разом порывалась встать на дыбы. – Я здешний, у меня поместье отсюда в трёх верстах! Поскачем, покажу!

– Эскадр-о-о-н! – заорал импозантный поручик, выхватывая тяжёлую шашку из ножен. – За мной, лавой уступом вправо, ма-а-а-рш!!!

Левон летел на вороном коне, летел быстрее ветра, и маленькие уши его закладывало, а из-под копыт белого эскадрона, шедшего мостовой и убитыми газонами, летели шматки грязи, искрили о булыжник подковы, и ничего прекраснее, чем этот полёт, не знал, не ведал маленький Левон!

Они влетели на госпитальный двор – влетели в мыле и справедливом негодовании, когда с обеих сторон тщательно припрятанные пулемёты батьки Матвея ударили в бока эскадрона шпорами кинжального огня…

Это была ловушка. Матвей нарочно выпустил мальчишку из госпиталя, специально дал ему уйти. Он, Матвей, бывалый бандит, дезертир царской армии с 1915 года, знал, чем взять «их благородий»… Знал, рассчитал, что поторопятся, не вышлют разведки, передового охранения…».

И вот перед нами Матвей Безымянных – красный командир, в будущем чекистско-партизанский генерал, действия которого в тылу у немцев, возможно, спасли Ленинград от неминуемого разрушения – в следующей великой войне… Пока он, только что убив прикладом отца, держит «за шкварник» уцелевшего сынишку и итожит свою победу над старым строем:

«– Так-то, ваши превосходительства! – гоготал Матвей, расхаживая посреди трупов. – Где уж вам с нами? Куда уж вам до нас? Кто жёстче – тот и сильнее… Вы соплежуи, вы неврастеники, вы барышни кисейные – и с кем воевать задумали? С теми, кто из стали выкован?».

На войне как на войне. Представления о допустимом не соответствуют революционной целесообразности.

Целую жизнь спустя седовласый доктор Левон Глыбян разъясняет, как сумел понять и полюбить безжалостную Революцию. Разъясняет это новой «кисейной барышне» – режиссёру N:

«– По-настоящему великим был бы тот фильм, которого у нас, боюсь, снять не позволят. Надо бы взять не лучшего из красных, а худшего… И через его судьбу доказать моральную необходимость коммунизма… Так, чтобы это была подлинная правда жизни, а не самохвальство победившей партии».

Доктор медицины Левон Глыбян прожил долгую жизнь, многое повидал и передумал. Он сумел не то чтобы простить красной власти смерть отца, но принять свершившееся как *поступь истории* – за сталинские суды над преступниками-революционерами, за возможность при такой власти сироте построить высокую столичную карьеру… Те, кто как режиссёр получили всё готовым, этого уже не могут оценить. Не могут понять, что революция – это не только жертвы (и ещё раз жертвы), но это иногда единственная возможность спасти человеческое достоинство на земле. Этого не понимают многие. И Сталина не понимают. Но дело не в именах:

«– Само по себе устройство жизни описывается не именами, а законами! Вот о чём фильм-шедевр нужен! Не осознав исходной грязи капитализма, вы не поймёте и очищения. И в итоге столкнёте человечество в ад, где оно барахталось тысячами лет, а из-за вас ещё тысячи лет будет барахтаться. Потому что вы не поняли ни революции, ни Сталина!».

Вот, собственно, о выраженной в этих словах дилемме целей и средств и написал Александр Леонидов свой роман-эпопею. Разговор доктора и режиссёра служит экспозицией, и не случайно, что он вписан автором в год (1974), когда неявные процессы распада советской системы уже начали набирать ход…» – резюмирует Максим Ершов, анализируя главное в романе: его идейный замысел, его *послание будущему*, пытаясь в нём, этом будущем, защитить, спасти мечту русской классической литературы, русской классической мысли о человеке – имя которого звучит гордо.

Даже из этих процитированных критиком фрагментов романа-эпопеи складывается удивительное, неординарное и неоднозначное, но опирающееся на лучшие традиции русской литературы, художественное видение Александром Леонидовым глобальных – глыбистых! – проблем пожалуй что мирового, планетарного масштаба. И возможность попытаться справиться с ними для художника такого плана, как Леонидов, лежит, вероятно, только в плоскости метафизического освоения этих проблем через лёгко-тяжёлое к ним прикосновение, но не лобовое столкновение. Лобовое столкновение прожито и пережито уже лучшими образцами как русско-советской, так и мировой классики. Леонидов их знает – эти образцы, они впитаны его интеллектом – отчасти тоже нацеленным на метафизическое, – и порождены жизненным опытом художника и мыслителя, трезво оценивающего мир и роль человека в нём, но, тем не менее, остающегося неисправимо высоким романтиком, наощупь собирающим крупицы света во мгле нашей вулканической современности с её контурно намечающимися, но неминуемыми тектоническими сдвигами, трещины от которых уже второе десятилетие не дают покоя сердцу Художника слова Александра Леонидова.

Валентина ЕРОФЕЕВА